

Петр Великий: pro et contra
СПб.: РХГИ, 2003. (Русский путь).

II

Преобразовательная деятельность Петра Великого в области нравов направилась прежде всего к изменению внешности, формы отношений, покроя платья, к борьбе с бородою и с разнообразными предрассудками. Корб отмечает в своем дневнике, как редкое явление у русских, вежливость и приветливость смоленского воеводы, Петра Самойловича Салтыкова: при проезде посольства не было тех задержек и пререканий, которых до Петра Великого не могло избежать в России ни одно иностранное посольство. Корб пишет по этому поводу: <<Я думаю, что доколе будет жить ныне благополучно царствующий государь, дотоле этот народ не возобновит прежних столь нелепых своих притязаний". Другой иностранец, живший в России довольно продолжительное время, также связывал судьбу преобразований Петра I с его жизнью: "Можно сказать с достоверностью, -- читаем мы в книге Перри {*Perri*. Состояние России при нынешнем царе, 168. Фоккерод говорит: "Вообще ничто во всех чужеземных нововведениях не представлялось Русским смешнее того, как когда говорят им о правилах чести (*point d'honneur*) и желают, во имя того, убедить их сделать что-нибудь, или от чего-нибудь отказаться. Были бы так же совершенно напрасными всякие старания убедить их, что мнение какой-нибудь личности, не имеющей права им приказывать, иногда может сделать их счастливыми или несчастными, или может их вынудить совершить такое дело, которое противно их интересам (*Фоккерод*. Записки // Русск<ий> арх<ив>, 1883. Кн. II. С. 1422--1423).}, -- что если нынешний царь умрет прежде, чем большая часть его старых бояр отправится на тот свет, то большая часть всего того, чем он старался преобразовать страну свою, переправится в старую прежнюю форму, тем более что предполагают, что сын его, нынешний царевич русский, нравом вовсе не похож на отца своего". Перри свидетельствует об успехе некоторых законодательных мер императора. Так он сообщает, что русские уже почти примирились с обычаем брить бороды, так как женщины предпочитали видеть своих мужей и возлюбленных без бороды. Но сказанное может быть справедливо лишь по отношению к высшим классам русского общества. Мы знаем, какую упорную борьбу за бороду вел русский народ и не видим в этой борьбе ни малейших оснований для осуждения народа, для глумления над ним. С бородой у русского человека связывалось, -- худо или хорошо, -- это другой вопрос, -- представление об образе и подобии Божиим, о личном достоинстве, и поэтому заслуживает полного уважения отказ от подчинения правительственным предписаниям, налагавшим свою тяжелую руку на частную жизнь, на личную свободу человека. Конечно, с нашей точки зрения, не стоило рисковать пенею, батогами, а тем более жизнью из-за бороды или из-за платья; но с нашей же точки зрения следует осудить и законодательство, которое ведет ожесточенную борьбу с бородой и долгополым платьем, раздражая народ из-за пустого дела и этим затрудняя проведение в жизнь действительно важных преобразований. Многие искренне сомневались в возможности спасения, если у них сбрита борода, и митрополит ростовский Дмитрий должен был доказывать обращающимся к нему, что образ и подобие Божие состоят не в делах, а в невидимой душе, что в делах, Богу не противных и не вредящих спасению, должно повиноваться властям. Митрополит ростовский написал даже по этому поводу рассуждение "Об образе Божии и подобию в человеке" {Отметим по этому поводу любопытный факт из французской истории. Раненый в лицо Франциск I отпускает бороду. Этим устанавливается мода, но парламент и *Chapitres metropolitans* упорно восстают против нововведения: бородатого члена не пускают в пар ламент, бородатого епископа в церковь. Подымаются серьезные споры о бороде. Сорбонна в 1581 году постановила, что борода противоречит скромности, которую должно требовать от студентов богословов. В 1525 году парламент запрещает пароду носить длинные бороды, которые как бы скрывают гибельный замысел против государственного спокойствия (*sembloit cacher quelque dessein pernicieux contre le repos de l'Etat*). С Генриха IV борода победила (*Alfred Franklin. Journal du siege de Paris en 1590. P. 108--109*).}. Рассуждение это несколько раз печаталось по приказанию Петра.